

своего взгляда на вещи, на события, на лица. «Сложившееся» или «зреющее убеждение» – ценная вещь. Конечно, в студенчестве происходит уже теперь *огромная работа*, – и если бы «Вешние Воды» выявили ее, это была бы ценная заслуга вообще в обществе, вообще в литературе. Ведь *не без причины* почему-то Достоевский *выразителей* своих основных идей, своих гениальных слов брал из студентов, из «подростков». «Молодо» не всегда значит «зелено». Между студентами есть и «желторотые», а из курсисток – «желторотихи». Пусть – поговорят. Все возрождается в эти важные дни; впереди всего – пусть возрождается молодежь, говорит – *от себя*, без «чужих слов». Слов чужих и поддельных – не надо. Между прочим, в октябрьско-ноябрьском номере журнала отведено много места обзору студенческих манифестаций в последнем месяце, – народно-патриотического характера. Сами эти манифестации казались каким-то чудом на студенческом фоне, и не одну седую голову, вероятно, заставили произнести: «Ныне отпускаешь, Владыко, – раба Твоего *с миром*». *Народность* университетов – это величайшая *тема времени*. «Поддай, Господи», – скажем словами певчих в литургии; или, пожалуй, по-военному: «Здорово, ребята!»

«ВСЕ ГОРЕ ВЫЛИЛ НА БУМАГЕ»

(Письмо крестьянина о войне и немцах)

«Поскобли русского – и увидишь татарина», – говорят иностранцы. «Да, если мужика не выучить четырем правилам арифметики, – то не отличишь его от лесного зверюшки», – вторят иностранцам русские, выученные «по-иностранному». И все-то сострадают мужику, то как зверюшке, то как хиллому и больному, а во всяком случае – малоумному. Между тем, как естественно-то думать, что «скобли» или не скобли его, учи в училище или не учи, он – сын тысячелетней родины и двутысячелетней церкви, с теми отложенными в душе его впечатлениями, заботами, страхами, гневами, яростями, памятками и умилениями, какие не рассеялись в крестьянине от эпох строения и расстройств царства, от Иоаннов, Петра, от разинщины и пугачевщины, от Екатерины и Александров. Не забывает утенок, что тысяча предков его плавали по воде. Забудет ли человек, чем были заняты и о чем страдали и над чем трудились его предки? Крестьянин – не татарин и не зверюшка, а русский гражданин и сын православной церкви. А в этих словах – уже культура. Безграмотный или почти безграмотный русский крестьянин есть вполне культурный человек, – и не местной еврейской газетке его «впервые просвещать»...

Передо мною лежит совершенно безграмотное письмо крестьянина Киевской губернии, пишущего «нэмец» вместо «немец», «слиозы лютца» вместо «слезы льются», «в Кремянчуге, в Риге и в Одессе» вместо «в Кременчуге, в Риге и в Одессе»... Но каким языком и каким духом оно

написано, какая забота у него о всем пространстве отечества, которое «как маты нас родыло» («как мать – родило нас всех»):

«Я крестьянин, искренно любящий сын великой нашей матери России. Господи, не раз посмотришь на этих искалеченных раненых наших воинов, – и не могу себя удержать от рыдания. Как-то неудобно мужчине, а слезы катятся неудержимо. Боже великий, – да разве мы кого трогали! Сколько сирот, сколько калек, сколько безвременно погибших! Господи, кто утрет слезы этих несчастных матерей, сироток и вдов, – кто воспоеет героизм безвременно павших?

Кто разорил Бельгию и Польшу? Кто сравнял цветущие города и деревни с землею? Кто сделал сотни тысяч семей нищими, обездоленными? Кто попрам ногою разбойника законы божеские и человеческие? Кто разбил и осквернил Божии храмы? Кто насильовал незащищенных женщин? Пишу, а слезы льются ручьем и рука дрожит».

Какая сильная, настоящая литература!

« Кто же виновник этого моря крови, слез и народного горя?

Виновник, говорят, Вильгельм, император немецкий. Если это правда, то нет ему кары и нет ему места на земле. Это изверг рода человеческого без души и сердца.

Но мое мнение, кто виноват, – совсем иное. Не Вильгельм виноват, а виноват весь прусско-немецкий народ. Не Вильгельм десятки лет готовился к войне, а немецкий народ, во главе с Вильгельмом. Это сознательные варвары, коварные и бессердечные».

Действительно, – царствование Вильгельма было активным, а не пассивным. Ни немцы не говорили, ни о них никто не может думать, что они страдальчески переносили правление Вильгельма, что у них выжимали налоги на подготовку чудовищной армии и флота, а не сами они принесли в жертву чудовищу милитаризма и излишки свои, и последний талер.

«Кому немцы обязаны своим могуществом? Немцы в России имели большое доверие, и это великая ошибка. Они этим доверием злоупотребляли в пользу Германии, а в ущерб России. Вспомните Сан-Стефанский трактат, а ведь мы им не сделали в 1818 году этого. 1865, и 1866, и 1870, и 1871 года, – вот те годы, в которые возросло немецкое могущество. Но мы не обращали внимания. Не мы, а немцы остзейские руководили тогда страной, – фонь и бароны.

В 1882 г. война была неизбежна благодаря нашему незабвенному великому Скобелеву, – но немцы во главе с Бисмарком увильнули с помощью наших немцев. Немецкая партия в России была и есть очень сильная. Еще покойник Скобелев сказал, что от немецкого господства и интриг только войною мы можем избавиться. Мы думали, что наши враги – поляки; но – нет, мы бы давно с братьями-поляками помирились, но благодаря немецким интригам нас до этого не допускали. Словом, немцы – исконные враги славян, не исключая и тех, которые жи-

вут в России. Они только наживаются в России и смотрят все на свой фатерлянд. Вот вам налицо преданность немецких баронов в остзейских губерниях, которых осудили в арестантские роты; да еще много таких есть изменников. Есть и такие, которые имеют громадные имения в России, а сыновья их служат в немецкой армии. А кто осушил болота около Осовецкой крепости? А как отнеслись херсонские колонисты к войне? А особенно в Царстве Польском как они содействовали немцам? Словом, симпатии русских немцев на стороне наших врагов. Кроме того, немцы нас поработили материальным образом. Им давали большие надель от 60 десятин до 40 десятин на душу. Вдобавок к тому, немцы скупали самые лучшие земли с помощью тайного государственного немецкого банка, – в Херсонской губернии около миллиона десятин земли в немецких руках, шутка ли, – а в других губерниях! Это в общем наберутся десятки миллионов, – это целое государство! Им покровительствовали больше ста лет, и они богатели. А наш бедный мужик стонал и был батраком немецким у себя дома. И вот слава Богу есть у нас закон относительно немцев, – но только в проекте. И вот против этого закона вся коварная неметчина – русская и заграничная – всколыхнулась. Воображаю, сколько она ему преград и интриг поставила. Еврейские газеты у нас забили тревогу, что с уничтожением немецких имений и колоний погибнет сельскохозяйственная культура. Но евреям неудивительно; нам известны их симпатии.

Но вот кому удивительно. В «Русском Слове» я прочел в № 254 статью под заглавием: «Немецкие колонисты в России». Из нее узнаем, что в Петроград выехала депутация крымских общественных деятелей, в составе членов Государственной Думы С. С. Крыма и В. К. Винберга, председателя таврической губернской земской управы Т. Харченко, губернского предводителя дворянства А. А. Нестерова и председателя днепровской земской управы А. М. Колчанова.

Позволительно будет мне, мужику, спросить вас, высокообразованных и занимающих высокие посты и защищающих поработителей миллионеров немцев: известно ли вам, гг. сердобольные защитники сытых немцев, как в 1886 г. сородичи подзащитных наших немцев во главе с Бисмарком выгнали с насиженных мест, выбросили на улицу и буквально разорили 60 тысяч поляков, этих несчастных тружеников, за то только, что они – поляки. Эти наши многострадальные братья славяне. Они вполне заслужили русской душевной ласки, и вы, наверно, гг. ратующие за немцев, не обратили ни малейшего внимания на шестидесятитысячный вопль. Я уверен, что вы пальцем не пошевелили хотя бы из человеколюбия! Вы скажете: «Это – иностранцы, какое нам дело, а это – наши русскоподданные». Но, позвольте, ведь они без вас сумеют себя защитить: ведь само за себя говорит-то, что они вас подняли на дыбы и заставили броситься в Петроград. Ведь вы бы за бедняков не стали ратовать; ведь это ваши друзья-приятели; ведь в этой местности известно, какие там тузы немцы-колонисты.

А знаете, какими они поприезжали в Россию!

У нас есть за кого ратовать, – за этих защитников, которые защищают наши очаги от нашествия варваров.

Не дай Господи, чтобы нас варвары победили. Они бы нас сделали своими рабами. И эти, за которых вы ратуете, они бы за вас пальцем не шевельнули, потому что их бы сделали изменниками за это.

Всякому русскому видны немецкие подлости, немецкие интриги. В Одессе собирает немецкое общество на немецкий флот; в Кременчуге – тоже; в Риге – тоже. На всяком шагу одна измена, – а тут вон какие доброжелатели нашлись.

Слава Богу, что у кормила стоят настоящие русские столпы, во главе с нашим великим князем Николаем Николаевичем, дай ему Бог много лет здравствовать. Он нашу армию ведет к победам; с Божией помощью – победим. Я солдат 56 лет; если и меня Государь Император потребует на защиту отечества – с охотой пойду, раз маты родыла (sic).

Я, будучи в Сибири ходоком, – видел немецкие дела. Почти все самые лучшие земли в Омском и в Барнаульском уездах в немецких руках. Эти уезды составляют житницу Западной Сибири, там десятина дает до двухсот пудов пшеницы. Все почти кабинетские земли арендуются немцами, и все – на большие сроки и по баснословно дешевым ценам; старые контракты, которые сделаны лет 10 назад, – от 1 руб. до 2 руб. 25 коп.; дороже за десятину – нету, и вот они богатеют. От самого Петропавловска до самого Новониколаевска сплошные варварские колонии. Вблизи железнодорожной магистрали самые лучшие земли, и за бесценок купленные, от 10 р. до 25 руб. за десятину. Теперь цены поднялись до 200 руб. за десятину. Спрашивается, почему все самые лакомые куски попали в варварские руки, а не в русские?»

Это «почему» бьет в голову и около Петрограда: действительно, «лучшие кусочки» земель, хотя бы дачных с хорошим леском, с озером и рыбными ловлями, – все почему-то не у русских, а у инородцев, и большую частью – у немцев.

«А вот почему, – у нас есть много таких господ, которые мало беспокоятся за русский народ, – вроде этих, которые едут в Петроград ратовать за своих друзей немцев – это раз, а во-вторых, что им покровительствуют Берлин и наша высшая администрация. Вот вам – пример; это – факт. В Келецкой губернии губернатор – немец (и ярый), вице-губернатор – тоже, председатель окружного суда – тоже, прокурор – тоже; и жандармский полковник – тоже ярый немец (немец. – *V. P.*). Вот вам вся высшая администрация пограничной губернии в руках немцев, – от которых зависит судьба губернии. Да их всех не переписать на воловьей шкуре. Вот почему у нас немцам-колонистам и живется хорошо. Потому что, что ни сатрап – то немец».

Глубокая отравленность русской администрации немцем – это действительно великое горе. В Петрограде поговаривают: «Для одоления немца *внутри России* нужен решительный и властный человек». До такой

степени многочисленны и главное *сильны* немецкие явные и тайные покровители.

«А тут еще нашлись сердобольные патриоты, – едут ратовать за немцев. Их большинство надо гнать вон. В этой войне причастна вся немота (т. е. вся неметчина, все немцы. Но как для истории языка важно это прямое слово, вырвавшееся у хохла, – «немота», «немые». – В. Р.). Нужно разбить и разъединить, как они были до 1848 г.: по Рейн должны взять Франция и Бельгия: это – заветная мечта французов. А Россия должна взять по реку Одер, с австрийской Силезией. Это исконно славянские земли, наполовину онемеченные, в особенности – Померания; да и по Эльбе жили славяне! Крестьянин села Осетняжки, Чигиринского уезда, Киевской губернии И. С. Добролежа, все горе вылил на бумаге».

«КРЕПКИЕ НАПИТКИ» И ПОЖАРЫ

«Где они, *широкие* горизонты, где они, *далекие* перспективы... Везде видишь *чиновника* и нигде не видишь *государственного человека*...» – так вздыхалось третьего дня при чтении в газетах сообщения о предполагаемом разрешении торговли вином и крепкими напитками. Ну, к «крепким напиткам» будет прибавляться видимо и невидимо и «лечебный алкоголь». И, словом, народный энтузиазм к *полной трезвости* погашен... С замиранием сердца думается, что денежное ведомство еще «укрепит напитки» в момент окончания нынешней войны, и пойдут опять «пьяные зачатия» будущего поколения, которых волна всегда так поднимается сейчас после войн, по всеобщей статистике роста населения. Разница между трезвыми зачатиями и пьяными зачатиями есть почти центр алкогольного вопроса. «Пьяная ночь сегодня» – искорежит, искалечит целую долгую жизнь несчастно-рожденного юноши, несчастно-рожденного отрока... Будет он, бедный, маяться. Характера нет, воля слаба, ничего в руках не держится, все тянется душа к графинчику с «крепкими напитками», из какового выкушал «родитель» его за ужином лет двадцать назад. В Ельце, Орловской губернии, я спросил торговца, отчего так часто сыновья богатых кулцов, иногда фабрикантов, разоряют «богатое и крепкое дело», оставленное им родителями? Торговец, мало помолчав, мне ответил: «В нашем быту беспрерывно надо быть трезвым днем, когда человек на виду и к нему приходят подручные за приказаниями. А ночь ему необязательна. Многие купцы поэтому только днем трезвы и имеют молву о себе, что – непьющие. На самом деле они к ночи напиваются. И сыновей рождают, уже в утробе матери, пьяными. Сын, получив наследство, пропивает родительское достояние и родителями начатое торговое или фабричное дело».

Денежное ведомство, конечно, скажет, что до «зачатий» ему дела нет. Чиновнику важно не будущее поколение, а «теперь»... Но «будущее поколение» важно *наследственному Царю* и *наследственному* тоже народу.